

Эту рекомендацию Радищев, однако, принял по-своему: он не столько подражал, сколько действовал от противного, полемизировал со своими предшественниками, вместе с тем опираясь на их опыт. Приступая к работе над «Словом о Ломоносове», писатель мог ориентироваться на определенный жанровый канон, созданный в русской литературе XVIII в. в соответствии с теоретической программой Ломоносова. Первый вариант его «Риторики» — «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743) — оставался в рукописи вплоть до 1895 г. и едва ли мог быть известен Радищеву. Во втором, расширенном, варианте, опубликованном в 1748 г., — «Кратком руководстве к красноречию» — была закончена только первая книга; «оратории», т. е. ораторской прозе, Ломоносов предполагал посвятить целиком вторую книгу, и потому в печатную «Риторику» не вошли материалы, посвященные интересующему нас жанру. Вместе с тем, как совершенно справедливо замечает П. Н. Берков, «нельзя рассматривать Риторику Ломоносова вне связи с его собственным ораторским искусством».³² «Слова» Ломоносова, вполне доступные Радищеву и высоко им оцененные, могли служить иллюстрацией к правилам, сформулированным как в первом, так и во втором варианте «Риторики».

Выделяя четыре вида «публичных слов», Ломоносов называл «проповедь, панегирик, надгробную и академическую речь» (Л., VII, 69). «Слово» Радищева по этой классификации можно отнести к панегирикам. Как было отмечено исследователями, Радищев объединяет «свойства, присущие двум разным типам панегириков, — „слову похвальному высокой особе“ и „слову похвальному действия достохвального“».³³ Между тем подобное объединение было довольно естественно, и Ломоносов допускал его в собственной практике. Так, например, «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому» (1755) содержит описание «похвальных жизненных свойств» Петра, как это и предусмотрено в «Риторике», и рассказ о его важнейших делах и о «преодоленных в них сильных препятствиях» (Л., VIII, 591). Все это в свою очередь относится уже к «похвале действия», где «исчисляются все трудности и препятствия, от места и от времени происходящие; представляется великость, польза и необходимая нужда оного» (Л., VII, 70).

Радищев сам подчеркивает новаторство своего «слова»: «Пускай, другие раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы, воспоем песнь заслуге к обществу» (I, 380). Писатель сознательно противопоставляет свое сочинение традиции, сложившейся в литературе XVIII в., решительно отвергая сервиллизм, казалось бы, узаконенный в таких жанрах, как ода

³² Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве, с. 80.

³³ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 237.